

Н. Я. Данилевский

Россия и Европа

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
Н11

Н11 **Н. Я. Данилевский**
Россия и Европа / Н. Я. Данилевский – М.: Книга по Требованию, 2014. –
594 с.

ISBN 978-5-4241-4597-1

Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира
к Германо-Романскому.

ISBN 978-5-4241-4597-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

году, но первая встрѣча осталась въ моей памяти. Между студентами вдругъ пронесся говоръ: „Данилевскій! Данилевскій!“ и я увидѣлъ, какъ около высокаго молодаго человѣка, одѣтаго не въ студенческую форму, образовалась и стала расти большая толпа. Всѣ жадно слушали, что онъ говоритъ; ближайшіе къ нему задавали вопросы, а онъ отвѣчалъ и давалъ объясненія. Дѣло шло о бытіи Божіемъ и о системѣ Фурье.

Онъ былъ въ это время большимъ приверженцемъ Фурье. Въ научныхъ же занятіяхъ онъ выбралъ своею спеціальностію ботанику; въ 1847 году онъ получилъ степень кандидата, а зимою 1848—49 выдержалъ экзаменъ на магистра ботаники. 1847-й и 1848-й годы проведены были то въ Петербургѣ, то въ Рязанской и Орловской губерніяхъ; Николай Яковлевичъ изучалъ флору Орловской губерніи и для магистерской диссертациі составилъ описаніе этой флоры. Но лѣтомъ 1849 года, въ то время, когда онъ вмѣстѣ съ другимъ магистрантомъ, Петромъ Петровичемъ Семеновымъ, находился въ Тульской губерніи (на Красивой Мечѣ) и занимался, по порученію Вольно-Экономическаго Общества, изслѣдованіемъ границъ черномемной полосы Россіи и ея флоры, онъ былъ неожиданно арестованъ и отвезенъ въ заключеніе въ Петропавловскую крѣпость. Его привлекли по тому дѣлу Петрашевскаго, которое, какъ извѣстно, повело къ ссылкѣ О. М. Достоевскаго, Пальма и другихъ. Заключеніе, продолжавшееся сто дней, было особенно тяжело сначала, когда запрещены были книги. Съ разрѣшеніемъ книгъ, и съ своею способностію отдаваться работѣ мыслей, Н. Я. сталъ легко переносить одиночество. Между прочимъ, *Донкихотъ* въ хорошемъ старинномъ французскомъ переводѣ возбудилъ въ немъ восторженный смѣхъ, о которомъ онъ любилъ потомъ вспоминать. На слѣдствіи онъ объяснилъ, что надолго отлучался изъ Петербурга, а въ Петербургѣ былъ поглощенъ приготовленіемъ къ экзаменамъ, почему въ послѣдніе годы не бывалъ у Петра-

шевскаго и не зналъ, что у него дѣлалось. Кромѣ того, въ большой запискѣ онъ ясно и полно изложилъ систему Фурье, въ проповѣдываніи которой его обвиняли; оказывалось несомнѣнно, что она не содержитъ въ себѣ ничего революціоннаго и противурелигіознаго, а есть ученіе чисто экономическое.

Слѣдственная коммисія освободила Н—я Я—ча отъ суда, но онъ былъ высланъ изъ Петербурга и зачисленъ (20 мая 1850 г.) въ канцелярію вологодскаго губернатора, а потомъ, (3 ноября 1852 г.) по ходатайству Перовскаго, бывшаго председателемъ суда по дѣлу Петрашевскаго, переведенъ въ канцелярію самарскаго губернатора. Съ 24 февраля 1853 года онъ состоялъ „переводчикомъ Самарскаго Губернскаго Правленія“. Къ этой эпохѣ относится его первый бракъ. Онъ женился (29 сентября 1852 г.) на бездѣтной вдовѣ генераль-маіора Вѣрѣ Николаевнѣ Беклемишевой, урожденной Лавровой, большой красавицѣ и умницѣ. Она проживала въ Русскомъ Бродѣ, и онъ любилъ ее уже многіе годы, но объяснился съ нею только за два дни до своего ареста. Она сдержала слово, когда онъ былъ сосланъ, и приѣхала въ Вологду, чтобы выйти за него замужъ. Но не прошло и года, какъ Н. Я. лишился своей жены (10 іюля 1853); она умерла отъ холеры, въ нѣсколько часовъ. Это было, какъ онъ самъ говорилъ, самое жестокое горе въ его жизни, и цѣлый годъ онъ тяжело боролся съ отчаяніемъ.

Между тѣмъ, 18 іюня 1853 года Н. Я. былъ „командированъ въ званіи *статистика* на два года въ ученую экспедицію для изслѣдованія состоянія рыболовства на Волгѣ и въ Каспійскомъ морѣ“. Эта командировка опредѣлила всю дальнѣйшую судьбу Николая Яковлевича; онъ и умеръ въ одной изъ своихъ поѣздокъ для изслѣдованія рыболовства. Экспедиція 1853 года состояла подъ начальствомъ Карла Эрнста фонъ-Бэра, великаго натуралиста. Бэръ, съ теченіемъ времени, оцѣнилъ познанія и способности своего статистива и смотрѣлъ

на него, какъ на главнаго своего помощника. Экспедиція продолжалась больше трехъ лѣтъ, до января 1857 года.

Затѣмъ, 5-го октября 1857 года Н. Я. былъ зачисленъ „чиновникомъ состоящимъ при Департаментѣ Сельскаго Хозяйства“, 7 марта 1858 года помѣщенъ на вакансію „младшаго инженера“ того-же департамента, и въ томъ же году былъ назначенъ „начальникомъ экспедиціи для изслѣдованія рыболовства въ Бѣломъ и Ледовитомъ моряхъ“. Экспедиція продолжалась три года, и Н. Я. получилъ за нее 6 марта 1861 года 500 рублей награды.

Съ большою поѣздкою на Ледовитый океанъ совпадаетъ эпоха второй женитьбы Н. Я. Еще когда онъ былъ высланъ въ Вологду изъ Петербурга, онъ сблизился съ семьєю Межакова, губернскаго предводителя дворянства, помѣщика села Никольскаго въ Кадниковскомъ уѣздѣ. Н. Я. былъ въ особенной дружбѣ съ Александромъ Павловичемъ Межаковымъ, который десятью годами былъ старше его и скончался 2 іюня 1859 года. Когда уже началась экспедиція, зимою 1860 года Н. Я. заѣхалъ на короткій срокъ въ Никольское и здѣсь (8 февраля) сдѣлалъ предложеніе дочери своего покойнаго друга, Ольгѣ Александровнѣ. Но свадьба была отложена до конца экспедиціи и совершилась только 15 октября 1861 года. Во все время разлуки, женихъ усердно переписывался съ невѣстою, рассказывая ей все, чтѣ съ нимъ было. Письма эти сохранились, и по нимъ возможно будетъ составить полный образъ этой трудной поѣздки.

Двѣ первыя поѣздки Н—я Я—ча были самыя дальнія изъ всѣхъ, какія онъ сдѣлалъ; въ первую поѣздку онъ побывалъ въ Персіи, на южномъ берегу Каспійскаго моря, а во вторую онъ посѣтилъ Норвегію, гдѣ въ 1861 году, въ Дронтегемѣ, встрѣчалъ и Новый годъ и Пасху. Перечислимъ вкратцѣ остальные поѣздки, чтобы дать примѣрное понятіе о внѣшней формѣ этой жизни, которая въ то же время была такъ обильна учеными трудами и мыслями.

Третья поѣздка была въ Астрахань. Н. Я. былъ командированъ туда 31 октября 1861 года „для присутствія въ комисіи рыбныхъ и тюленьихъ промысловъ“. Путешествіе по тогдашнимъ дорогамъ, среди первыхъ снѣговъ и по только-что замерзшей Волгѣ, вышло какъ-то особенно труднымъ и опаснымъ. Въ Астрахани Н. Я. прожилъ до іюня слѣдующаго года.

Въ ноябрѣ 1862 года онъ отправился въ *четвертую* командировку, „на Цсковское и Чудское озера для разъясненія жалобъ на правила рыболовства“.

Въ слѣдующемъ 1863 году началась самая продолжительная и важная работа Н. Я. по рыболовству. Онъ назначенъ былъ „начальникомъ экспедиціи для изслѣдованія рыболовства въ Черномъ и Азовскомъ моряхъ“. Экспедиція эта продолжалась пять лѣтъ. Въ сентябрѣ 1863 года Н. Я. забралъ свою семью и спустился по Волгѣ до Царицына, потомъ по желѣзной дорогѣ переѣхалъ на Донъ и спустился въ Черному морю. Онъ пробовалъ устроить постоянное мѣстопробываніе своему семейству сперва въ Теодосіи, потомъ въ Нивитѣ, но наконецъ поселился въ Мисхорѣ, на Южномъ Берегу (9 марта 1864). Изъ Мисхора было сдѣлано шесть поѣздокъ, въ слѣдующемъ порядкѣ: въ 1864 году—вокругъ Азовскаго моря; въ 1865 году—на Днѣпръ; въ 1866 весною — на Маньчъ; въ 1867 году—съ 19 мая по 19 іюня вокругъ Чернаго моря; съ 10 сентября по 17 октября того же года на Кубань, а съ 23 ноября по 26 декабря на Дунай.

Изслѣдованіе промысловъ занимало преимущественно только тѣ времена года, когда самые промыслы производились. Поэтому въ Мисхорѣ было у Н-я Я-ча нѣсколько спокойныхъ зимъ, и плодомъ этого досуга была книга *Россія и Европа*, начатая осенью 1865 года.

Къ этому же періоду относится другое важное обстоятельство. Н. Я. ни за собою, ни за женою не имѣлъ никакого недвижимаго имущества; нечаянно представился ему случай

купить на Южномъ Берегу Мшатку, большое запущенное имѣніе гр. Кушелева-Безбородво, продававшееся очень дешево. Тутъ былъ огромный садъ, когда-то старательно воздѣланный, былъ виноградникъ, были развалины барскаго дома, сожженнаго французами въ крымскую войну, и былъ маленькій домъ для управляющаго. Данилевскіе для покупки собрали всѣ свои деньги, и съ 1-го іюня 1867 года семья ихъ уже жила въ Мшаткѣ.

Въ началѣ 1868 года (3 января) выѣхалъ отсюда Н. Я. въ Петербургъ, въ которомъ, разумѣется, ему приходилось часто бывать и прежде по обязанностямъ службы. Эти поѣздки продолжались и до конца жизни, хотя всегда дѣлались съ большою неохотою; въ настоящемъ очеркѣ мы упоминаемъ только о важнѣйшихъ изъ нихъ. Вся зрѣлая жизнь и дѣятельность Н-я Я-ча прошла внѣ столицы, и онъ, вообще, не любилъ городской жизни.

На этотъ разъ (1868) ему пришлось провести въ Петербургѣ больше времени, чѣмъ когда-нибудь во время его службы. Вскорѣ послѣ его пріѣзда мнѣ досталась счастливая доля съ нимъ познакомиться. Лѣтомъ онъ съѣздилъ въ Крымъ за своею семьею, и 1-го августа они расположились въ Петербургѣ на постоянное житье.

Между тѣмъ, еще раньше, въ маѣ этого года, онъ исполнилъ командировку (*шестую по счету*) въ Астрахань, „для разъясненія вопросовъ, касающихся Каспійскихъ рыбныхъ и тюленьихъ промысловъ“. На этотъ разъ, самъ Н. Я. былъ предсѣдателемъ комиссіи, и тутъ были окончательно выработаны, на основаніи всѣхъ предъидущихъ излѣдованій, правила, которыя теперь дѣйствуютъ, или должны дѣйствовать.

Седьмая командировка была ему назначена въ томъ же году въ августѣ, въ Архангельскую губернію, „для излѣдованія состоянія сельскаго хозяйства и рыбныхъ промысловъ“. Плодомъ этой поѣздки былъ обширный и важный докладъ *О жрѣгахъ къ обезпеченію продовольствія на сѣверъ Россіи.*

Въ слѣдующемъ 1869 году, въ февралѣ, Н. Я. опять отправился въ Астрахань „для присутствія въ комитетѣ каспійскихъ рыбныхъ и тюленьихъ промысловъ“. Осенью этого года ѣздилъ по порученію министра въ Нивиту.

Два года, 1870 и 1871, были заняты большою поѣздкою, *девятою* по счету. Н. Я. былъ назначенъ 9 марта 1870 „начальникомъ экспедиціи для изслѣдованія рыболовства въ сѣверо-западныхъ озерахъ Россіи“. Во время этой экспедиціи, въ іюнь 1870, Н. Я. сопровождалъ Великаго Князя Алексѣя Александровича въ Архангельскъ и въ Соловецкій монастырь. Эту экспедицію было закончено изслѣдованіе всѣхъ водъ Европейской Россіи. Все дѣйствующее здѣсь законодательство по части рыболовства принадлежитъ Николаю Яковлевичу, — трудъ огромной важности по своей пользѣ и классической по исполненію.

Чтобы дать хорошее понятіе о трудахъ и лишеніяхъ Н—я Я—ча во время его поѣздокъ, нужно бы было изобразить ихъ въ подробностяхъ, въ которыя мы здѣсь вдаваться не можемъ. По чрезвычайной бодрости духа и тѣла, онъ легко переносилъ всякія трудности; скука для него не существовала, и умъ его работалъ непрерывно. Но было въ этой жизни одно обстоятельство очень тяжелое: это—безпрестанныя и долгія разлуки съ семействомъ, которое можно назвать нѣжно-любимымъ не ради одного приличнаго и красиваго выраженія. Въ 1869 году, въ сентябрѣ, семья Н—я Я—ча вмѣстѣ съ нимъ покинула Петербургъ и поселилась въ Мшатеѣ. Они взяли меня съ собою, и тутъ я въ первый разъ испыталъ очарованія Южнаго Берега. Когда началась экспедиція 1870 и 1871 годовъ, рѣшено было, что семья поселится гдѣ-нибудь въ области экспедиціи; естественное притяженіе привело ее наконецъ въ село Нивольское, хотя по разстояніямъ это не былъ удобный пунктъ. По окончаніи экспедиціи, Н. Я. пріѣхалъ въ Петербургъ (5 декабря 1871),

а въ февралѣ 1872 г. перебралась въ Петербургъ и вся семья его и опять устроилась здѣсь на постоянное жительство.

Но уже лѣтомъ этого года Н—ю Я—чу назначена была *десятая* командировка, именно предсѣдательство въ „коммисіи для составленія правилъ о пользованіи проточными водами въ Крыму“. Это назначеніе какъ нельзя болѣе согласовалось съ желаніями Н—я Я—ча. Онъ снова переселилъ свою семью въ Мшатеу; случилось такъ, что съ этихъ поръ онъ уже до конца жизни постоянно жилъ въ Крыму, хотя и долженъ былъ дѣлать многія отлучки. Дѣло о проточныхъ водахъ затянулось, нивакъ, однако же, не по винѣ предсѣдателя коммисіи. Напротивъ, Н. Я. всегда отличался и мастерствомъ въ ясной постановкѣ вопросовъ, и рѣшительностію и опредѣленностію предлагаемыхъ мѣръ. Коммисія собрала свѣдѣнія, совѣщалась съ владѣльцами и сперва выработала основанія, на которыхъ должно быть построено будущее законодательство. Въ 1875 г. Н. Я. выѣхалъ 1-го марта изъ Мшатки въ Петербургъ (гдѣ тогда обсуждался его проектъ) и вернулся въ Крымъ лишь въ концѣ іюня. Въ слѣдующемъ году осенью, когда уже всѣ были въ волненіи, ожидая войны, Н. Я. опять поѣхалъ въ Петербургъ (17 Ноября) и жилъ здѣсь до 5 апрѣля 1877 года. Еще при немъ, осенью 1876 года, началось общее бѣгство жителей съ Южнаго Берега, но онъ оставался съ своею семьею на мѣстѣ. И послѣ его отъѣзда, семья не выѣзжала и спокойно ожидала его распоряженій, хотя уже съ конца декабря 1876 года Южный Берегъ былъ занятъ войсками. Наконецъ 30 марта 1877 г. Н. Я. написалъ изъ Петербурга: „надо готовиться выѣзжать изъ Мшатки, ибо война на носу“. Тогда всѣ вещи были уложены и перевезены въ село Байдары; но семья Н. Я. продолжала жить на Южномъ Берегу, кое-какъ обходясь безъ вещей. Такъ было и послѣ возвращенія домой Н-я Я-ча, до самаго извѣстія о Санъ-Стефанскомъ договорѣ.

Н. Я. все время войны не хотѣлъ двигаться съ мѣста и жилъ съ своею семьею какъ на бивакахъ. Онъ рассчитывалъ, что никто не вздумаетъ бомбардировать ничтожную деревушку Мшатку и его маленькій домъ, въ случаѣ же высадки непріятели всегда будетъ возможность уйти по ту сторону горъ. Но не въ бивачной жизни, не въ личныхъ опасностяхъ состояла тяжесть этого положенія; Н. Я. весь горѣлъ и волновался, слѣди за событіями. Они принесли ему и восторги, но все было отравлено печальнымъ заключеніемъ.

Въ 1879 году съ половины сентября по 12 декабря, а въ 1880 году съ мая по ноябрь, Н. Я. исполнялъ должность директора Никитскаго сада, вмѣсто Н. Е. Цабеля, бывшаго въ отпуску. Къ этому времени, въ зимѣ 1879 г. относится начало *Дарвинизма*.

Въ 1880 году 12 октября Н. Я. открылъ филлоксеру въ имѣніи г. Раевского и тотчасъ написалъ объ этомъ въ министерство. Опасность филлоксеры Н. Я., можно сказать, одинъ видѣлъ и зналъ. Въ свое время (5 марта 1873) онъ настаивалъ на полномъ запрещеніи ввоза виноградныхъ лозъ изъ за границы, и такой ввозъ былъ прекращенъ Высочайшимъ повеленіемъ (6 апрѣля 1873). Въ 1880 году, въ отвѣтъ на свое извѣщеніе, получилъ онъ (6 ноября) изъ министерства бумагу о томъ, что назначается предсѣдателемъ Крымской филлоксерной комисіи. Н. Я. сейчасъ же началъ уничтожать зараженные виноградники въ Тессели. Для ознакомленія съ дѣломъ, онъ просился за границу и уѣхалъ 13 декабря въ Швейцарію и южную Францію, но 13 января 1881 года уже опять былъ въ Крыму. Съ этихъ поръ, каждый годъ лѣтомъ происходилъ осмотръ виноградниковъ и разыскиваніе филлоксеры; за тѣмъ слѣдовало уничтоженіе мѣстъ зараженныхъ или подвергающихся опасности зараженія. Н. Я. обнаружилъ быстроту и энергію, вызвавшія громкія похвалы ученыхъ винодѣловъ за границею. Работы по

уничтоженію требовали много рабочихъ, и для этого употреблялись солдаты. Общее начальство надъ всею экспедиціею противъ филловсеры было вручено Государемъ барону Андрею Николаевичу Корфу, который, когда хорошо познакомился съ ходомъ работъ, оцѣнилъ высокія достоинства Н—я Я—ча и сталъ оказывать ему всякое содѣйствіе.

Къ несчастію, мѣры, предложенныя съ самаго начала Н-мъ Я-мъ, все-таки не были окончательно выполнены, и борьба съ филловсерою продолжалась каждый годъ, продолжается и теперь. Послѣ барона А. Н. Корфа, Н. Я. въ 1883 году остался одинъ распорядителемъ дѣла.

Въ самый послѣдній годъ жизни (1885), Н-ю Я-чу пришлось сдѣлать двѣ поѣздки; 3 апрѣля онъ былъ командированъ въ Тифлисъ на филловсерный съѣздъ, назначенный на 20 апрѣля. Еще по дорогѣ въ Тифлисъ, онъ ушибъ себѣ ногу, и до конца лѣта страдалъ отъ этого ушиба. Кромѣ того, онъ чувствовалъ уже больше года припадки той болѣзни сердца, отъ которой ему суждено было умереть. Не смотря на то, онъ принялъ командировку (6 сентября) для изслѣдованія уменьшенія рыболовства на озерѣ Гохчѣ. Онъ выѣхалъ изъ Мшати 1-го октября и благополучно совершилъ изслѣдованіе озера; но, когда вернулся въ Тифлисъ, гдѣ думалъ составить краткій отчетъ, неожиданно подвергся сильному припадку своей болѣзни, и умеръ 7 ноября.

Тѣло его было перевезено въ Мшату и похоронено въ его саду. Тамъ есть, недалеко отъ берега моря, узкая дорожка, которая какъ-будто ведетъ съ открытаго мѣста въ глухую чашу. Но въ концѣ этой дорожки вдругъ отърывается гладкая поляна, со всѣхъ сторонъ обруженная, какъ стѣною, высокими деревьями и крутыми скалами. Поляна такъ ровна и ея ограда такъ правильна, что это мѣсто называли *китариснымъ заломъ*. Теперь оно напоминаетъ храмъ: посрединѣ его—могила, и надъ нею стоитъ крестъ, на который прихо-

дять молиться не одни свои, но иногда и разный простой людъ, далеко вокругъ Мшати знающій о покойномъ и почитающій его память.

По личнымъ своимъ качествамъ, Н. Я. представлялъ высокое явленіе. Это былъ человекъ огромныхъ силъ, крѣпкій тѣломъ и душою, и притомъ такой ясный, чистый, чуждый зла и малѣйшей фальши, что нелюбить его было невозможно, и что онъ не оставилъ послѣ себя не одинаго врага или притателя. Оттого его и не знали; въ немъ вовсе не было свойствъ, которыми пріобрѣтается извѣстность. Его знали только люди лично съ нимъ сходящіеся, или специально интересовавшіеся тѣмъ, что онъ писалъ и дѣлалъ. Онъ принадлежалъ въ числу тѣхъ, кого можно назвать солью земли русской, въ тѣмъ неизвѣстнымъ праведникамъ, которыми спасается наше отечество.

Вотъ некрологъ, который былъ посланъ мною въ газеты на другой день послѣ его смерти:

„Въ Тифлисѣ 7 ноября въ 10 часовъ утра скончался „одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ людей въ Россіи, *Николай „Яковлевичъ Данилевскій*. По служебному своему положенію, „онъ былъ тайнымъ совѣтникомъ, членомъ совѣта министра „государственныхъ имуществъ. Труды его на поприщѣ службы „чрезвычайно велики и важны. Онъ изслѣдовалъ рыболовные „промыслы во всей Европейской Россіи и составилъ для нихъ „нынѣ дѣйствующія постановленія. Изслѣдованіе было начато „еще подъ руководствомъ знаменитаго К. Э. Бэра и потомъ „продолжалось десятки лѣтъ самостоятельно; послѣдній трудъ „этого рода была поѣздка на озеро Гохчу, въ минувшемъ „октябрѣ мѣсяцѣ. Вернувшись изъ этой поѣздки въ Тифлисѣ, „Николай Яковлевичъ неожиданно подвергся смертельному при- „паду болѣзни сердца, которой признаки показались лишь „въ этомъ году, но повидимому стали исчезать. Въ послѣдніе „годы имъ были выполнены сверхъ того два важныхъ служеб-